

*"Ciò che è fuori della coscienza del poeta a noi non può importare"*¹.

Michele Barbi, *Studi Danteschi*, 1938-XVII, p. 48.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Глава первая

Священнослужение Данте и метаморфозы Беатриче	13
--	-----------

I. — Беатриче — теология	14
--------------------------------	----

II. — Беатриче — число	30
------------------------------	----

III. — Беатриче — крещение	36
----------------------------------	----

IV. — Беатриче — пострижение	40
------------------------------------	----

V. — Беатриче — низший чин	44
----------------------------------	----

VI. — Беатриче — вервь	46
------------------------------	----

VII. — Беатриче — епископ. Смерть Беатриче	52
--	----

VIII. — Беатриче — Свет Славы	62
-------------------------------------	----

IX. — Миссия Беатриче.....	67
----------------------------	----

X. — Преображение Беатриче.....	91
---------------------------------	----

Глава вторая

Данте и философия в «Пире»	105
---	------------

I. — <i>La Donna Gentile</i>	108
------------------------------------	-----

II. — Первенство этики.....	123
-----------------------------	-----

III. — Трансцендентность теологии.....	128
--	-----

I. — Цель человеческого рода.....	200
II. — Необходимость монархии.....	206
III. — Независимость империи.....	216
IV. — Два Блаженства.....	228
V. — Положение Данте в истории.....	241

Глава четвертая

Философия в «Божественной комедии» 269

I. — Томизм Данте 270

A. — Число Беатриче 272

B. — Глагол «улыбаться» 275

C. — Символика «intelletto» 277

D. — Символика «воли» 278

E. — Действующие лица священной Поэмы 279

F. — Голос святого Фомы 286

II. — Критика нищенствующих орденов..... 289

III. — Премудрость Соломона..... 302

IV. — Символизм Сигера Брабантского 306

Пояснения..... 337

I. — Поэты и их музы 337

II. — О двух родах символов у Данте 344

III. — О политическом и религиозном идеале Данте..... 353

IV. — Об аверроизме Сигера Брабантского..... 364

V. — О томизме Сигера Брабантского 372

Анастасий Ахутин
Владимир Бибихин †
о. Октавио Вильчес-Ландин †
Андрей Коваль — ученый секретарь
о. Рене Маришаль (SJ)
Николай Мусхелишвили
Дмитрий Спивак
Сергей Хоружий

Этьен Жильсон

Данте и философия. / Пер. с французского Г.В. Вдовиной — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. — 384 с.

Книга Этьена Жильсона «Данте и философия» посвящена сложным отношениям великого итальянского поэта с античной и средневековой философией, прежде всего с философией Аристотеля, св. Фомы Аквинского и Сигера Брабантского. Э. Жильсон рассматривает философские функции персонажей Данте в его юношеских и зрелых литературных произведениях, а также те философские идеи, которые сформулированы в трактатах «Пир» и «О монархии». Книга Э. Жильсона стала классикой современного дантоведения, образцом высочайшего профессионализма, соединенного с подлинной любовью к предмету исследования. На русский язык переводится впервые.

Étienne Gilson: Dante et la Philosophie. Paris, J. Vrin, 1939.

Цель этой книги — определить позицию или последовательные позиции Данте в отношении к философии. Другими словами, речь пойдет о том, чтобы выяснить, какую природу, функцию и место признавал Данте за этим видом познания в ряду прочих видов человеческой деятельности. Мы не ставим перед собой задачи раскрыть, классифицировать и систематизировать многочисленные философские идеи Данте, ни тем более доискиваться их истоков или устанавливать, какое доктринальное воздействие они оказали на формирование мышления Данте¹. Всё это важные проблемы, от-

¹ Возможна точка зрения, согласно которой проблема дантовских источников должна рассматриваться в комплексе и обсуждаться в качестве пролегоменов ко всякой интерпретации мысли Данте. Этот тезис отстаивает Bruno Nardi, *Sigieri di Brabante nella Divina Commedia e le fonti della filosofia di Dante*, Spianate (Pescia) 1912, ex. in: *Rivista di filosofia neo-scolastica*, апрель и октябрь 1911, февраль и апрель 1912. Автор решительно выступает против позиции Cornoldi, Mandonnet и некоторых других, которые сводят мысль Данте к почти чистому томизму. Метод Нарди заключается в указании на те места «Комедии», которые свидетельствуют о присутствии чуждых томизму влияний — например, августианства, авиценнизма и даже некоторых следов аверроизма. Интерпретация этих текстов, предложенная Нарди, была оспорена G. Busnelli, S.J., *La cosmogonia dantesca e le sue fonti*, in: *Scritti vari pubblicati in occasione del sesto centenario della morte di Dante Alighieri*, Vita e Pensiero, Milano 1921, pp. 42–84. Буснелли пришел к выводу, что Данте был томистом и заслуживает этого имени более, чем любой другой автор той же школы (pp. 83–84). Некоторые оговорки в отношении интерпретаций самого Буснелли были сделаны позднее в работе P. Mandonnet, *Dante le théologien. Introduction à l'intelligence de la vie, des œuvres et de l'art de Dante Alighieri*, Desclée De Brouwer, Paris 1935, pp. 246–252. К этим трудам примыкает E. Krebs, *Contributo della scolastica alla relazione di alcuni problemi danteschi*, in: *Scritti vari...*, Milano 1921, pp. 85–96, где подчеркиваются платони-

нако наша проблема имеет совершенно другой характер и потому с необходимостью требует другого метода, нежели прилагаемый к названным проблемам. Несомненно, здесь, как и везде, анализ текстов должен идти впереди; но мы удерживаем из них не столько содержание, то есть формулируемую в них философию¹, сколько то, что они говорят нам о дантовской манере мыслить философию и пользоваться ею. К тому же, если не ошибаюсь, именно в этом пункте заключается подлинная философская оригинальность Данте.

Обстоятельства, вовлекшие нас в это исследование, представляют лишь частный интерес, и читатель ничего не выиграет от знакомства с ними. Но он имеет право на некоторые пояснения относительно манеры, в которой мы вели это исследование. Читать Данте — радость. Писать о Данте — наслаждение, потому что для этого нужно самым внимательным образом его перечитывать. Но вот усилие, необходимое для объяснения того, что при этом понято, уже гораздо труднее; возможны колебания между двумя совершенно разными способами объяснения, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. Первый способ состоит в том, чтобы просто рассказывать, как ты понимаешь Данте, не заботясь о том, что об этом предмете писали другие. Так получаются краткие, простые, даже не лишенные элегантности книги, которые, как можно предполагать заранее и независимо от степени их ценности, не окажутся чересчур обременительными для читателя. К несчастью,

ды полезной работы, которая должна быть продолжена. Тем не менее позволено поставить и другую проблему, а именно, проблему отношения Данте к философии в целом и того места, которое он отводит ей в ряду прочих видов человеческой деятельности, прежде всего политики и религии. Я не претендую на приоритет в постановке проблемы; я только утверждаю, что это другая проблема, и она требует другого метода, более близкого к доктринальному анализу, чем к исследованию источников, необходимому в первом случае.

Данте, неизбежно держит в памяти то, что уже было сказано о нем раньше выдающимися комментаторами. Стало быть, существует долг, который нужно признать; а как это сделать, если не скромно поставить себя после предшественников, то есть сознаться в диалоге с ними, а не изображать обособленность, в которую всё равно никто не поверит? Кроме того, даже если удастся написать одну из тех книг, внешняя оригинальность которых маскирует их полную произвольность, возможно ли сегодня занять определенную позицию по любой проблеме, связанной с Данте, чтобы искушенный читатель не вспомнил тотчас о других решениях, по видимости заранее ее развенчивающих? Замалчивать эти другие решения означает отказываться от обоснования собственного тезиса, а воспроизводить их, чтобы обсуждать одно за другим, — занятие бесконечное и утомительное; к тому же в результате Данте окажется погребенным под такими завалами чуждого его труду материала, что и автор, и читатели в конце концов перестанут понимать, о чем и ком идет речь.

Таким образом, нам неизбежно пришлось искать компромисс между этими двумя методами, — иначе говоря, отбирать среди подлежащих обсуждению толкований Данте такие, истинность которых непосредственно влекла бы за собой радикальную ложность нашего толкования. Так на передний план вышел общий тезис, который отстаивает о. Пьер Мандонне в книге «Данте-теолог». Мы будем обсуждать его с настойчивостью, которую многие читатели, боюсь, сочтут досадной. Однако те, кто читал книгу о. Мандонне, прекрасно знают, как тесно в ней всё увязано, и нужно шаг за шагом распутывать плотную ткань аргументации автора, если мы не хотим, чтобы нить, по видимости поддавшаяся в одном месте, не удерживалась тысячью переплетений в других местах. По крайней мере, да будет мне позволено сказать, что кажущийся избыток полемике на самом деле объясняется тем, что мы считали невозмож-

ле. Конечно, нельзя забывать, что предметом этой книги является одно из величайших имен в истории литературы; но, коль скоро дело касается идей Данте, их нужно определить с той поистине скрупулезной строгостью, какой требует анализ идей. Философу, говорящему о литературе, порой не достает вкуса; литератору, говорящему о философии, порой не достает точности. Помогая друг другу, мы сможем, вероятно, приблизиться к тому благодатному состоянию, когда чем лучше понимаешь, тем больше любишь, и чем больше любишь, тем лучше понимаешь. Для великих писателей это не менее важно, чем для нас: ведь их идеи составляют часть их искусства, и если то, что они говорят, не отделимо от того, как они говорят, то в этом и заключается их величие.

* * *

Само собой разумеется (но, вероятно, лучше сказать об этом), что предлагаемая книга не претендует быть трудом специалиста по Данте. К сожалению, любить чужой язык — пусть даже так сильно, как я люблю итальянский, — не равнозначно тому, чтобы знать его. Будучи знаком с итальянским языком лишь в той мере, в какой это необходимо для всякого уважающего себя французского историка, я неизбежно должен был допускать ошибки. Прошу за них извинения, и особенно за те из них, которые всего досаднее: ошибки, допущенные, возможно, при попытке поправить более знающих людей. Что касается безбрежного моря литературы о Данте, я не могу не испытывать головокружения, когда думаю о нем. Нельзя открыть итальянского журнала, не сказав себе: вот еще одна книга, еще одна статья, которую я должен был бы прочитать, прежде чем высказываться по этому вопросу! Мне кажется, что из этого океана комментариев я исследовал обширные области; но я понимаю, что в действительности изученное мною — лишь крупица целого. Это

некогда открыли мне, что значит для итальянца понимать Данте; затем Луиджи Пьетробано, Франческо Эрколе и Бруно Нарди, чьи исследования никогда не покидали надолго моего стола, пока я писал эту книгу.

Но прежде всего я должен сказать об учителе из учителей: о Микеле Барби, чья бездонная эрудиция, тонкость ума и точность суждений так часто наставляли меня в том, чего я не знал, предостерегали против ошибок, которые я готов был совершить, и исправляли уже допущенные ошибки. Его имя читатель будет встречать в страничных сносках, но гораздо реже, чем следовало бы. Даже там, где я расхожусь с ним, именно ему я обязан тем, что отважился это сделать. Нет таких известных или предполагаемых обстоятельств, которые могли бы освободить меня от этого долга благодарности и от обязанности публично признать его.

Париж, 10 мая 1939 г.